

Meine Memoiren
von Leonid Andrejew

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

МОИ ЗАПИСКИ

BERLIN
Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow
1908

Slaw 4335.6.70

Право собственности въ Россіи закрѣлено за авторомъ
во всѣхъ странахъ —
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

DRUCK DER SPAMERSCHEN BUCHDRUCKEREI
IN LEIPZIG

МОИ ЗАПИСКИ

I.

Мнѣ было двадцать семь лѣтъ, я только что съ выдающимся успѣхомъ защитилъ диссертацию на степень доктора математики — когда меня взяли среди ночи и ввергли въ эту тюрьму. Я не стану подробно рассказывать вамъ о чудовищномъ преступленіи, въ которомъ меня обвинили: есть событія, которыхъ люди не должны ни помнить, ни знать, дабы не получить отвращенія къ самимъ себѣ; но вѣроятно существуютъ еще въ живыхъ многіе, которые помнятъ этотъ страшный процессъ и «человѣка-звѣря», какимъ называли меня тогда газеты. Помнятъ вѣроятно и то, какъ все культурное общество страны единодушно требовало для преступника смертной казни, и только необъяснимой снисходительности тогдашняго главы государства обязанъ я тѣмъ, что живу и пишу сейчасъ эти строки въ назиданіе людямъ слабымъ и колеблющимся. Скажу коротко: былъ звѣрски умерщвленъ мой отецъ, старшій братъ и сестра, и преступленіе это совершилъ будто бы я съ цѣлью полученія дѣйствительно огромнаго наслѣдства.

Теперь я старикъ, скоро умру и вамъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, если я скажу, что былъ совершенно не виновенъ въ чудовищномъ и страшномъ злодѣяніи, за которое двѣнадцать честныхъ и добросовѣстныхъ судей единогласно приговорили меня къ смертной казни, замѣненной впоследствии пожизненнымъ заключеніемъ въ одиночной камерѣ. Просто роковое сдѣленіе обстоятельствъ, большихъ и маленькихъ событій, темнаго молчанія и неясныхъ словъ, мнѣ, невинному, придали облигъ и видимость злодѣя. И глубоко ошибся бы тотъ, кто заподозрилъ бы меня въ не-

расположеніи къ моимъ строгимъ судьямъ: нѣтъ, они были совершенно правы, совершенно правы. Какъ люди, которые могутъ судить о вещахъ и событіяхъ только по видимости ихъ и лишены возможности проникнуть въ ихъ сокровенное существо, они не могли и не должны были поступить иначе. Случилось такъ, что въ игрѣ событій правда о моихъ поступкахъ, которую я зналъ только одинъ, приобрѣла всѣ черты наглой и даже безстыдной лжи: и какъ это ни странно покажется моему любезному и серьезному читателю, не правдой, а только ложью могъ бы я возстановить и утвердить истину о моей невинности. Впоследствии, уже въ тюрьмѣ, воспроизводя во всѣхъ подробностяхъ исторію преступленія и суда, и представляя себя на мѣстѣ одного изъ судей, я каждый разъ неизбѣжно приходилъ къ полному убѣжденію въ своей виновности. Тогда же я произвелъ одну очень интересную и поучительную работу: откинувъ совершенно вопросъ о правдѣ и лжи по существу, я подвергъ факты и слова многочисленнымъ комбинаціямъ, строя изъ нихъ зданія, какъ маленькія дѣти строятъ различныя сооруженія изъ своихъ деревянныхъ кубиковъ; и послѣ упорныхъ стараній мнѣ удалось, наконецъ, найти одну такую комбинацію фактовъ, которая, будучи ложной по существу, по видимости своей была столь правдоподобна, что моя истинная невинность становилась безусловно ясной, точно и твердо установленной. До сихъ поръ помню то огромное, не лишенное страха, чувство изумленія, какое испыталъ я при моемъ странномъ и неожиданномъ открытіи: говоря правду, я привожу людей къ ошибкамъ и тѣмъ обманываю ихъ; утверждая ложь, привожу ихъ, наоборотъ, къ истинѣ и познанию. Тогда я еще не понималъ, что неожиданно, подобно Ньютону съ его знаменитымъ яблокомъ, я открылъ великій законъ, на которомъ зиждется вся исторія человеческой мысли, ищущей не правды, которой ей не дано знать, а правдоподобности, т. е. гармоніи между видимымъ и мыслимымъ на основаніи строгихъ законовъ логическаго мышленія. И вмѣсто того, чтобы радоваться, я въ наивномъ, юношескомъ

отчаяніи восклицалъ: «гдѣ же правда? Гдѣ же правда въ этомъ мірѣ призраковъ и лжи!» (См. мой «Дневникъ заключеннаго» отъ 29 іюня 18...)

Я знаю, что въ настоящее время, когда мнѣ осталось жить какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ, меня легко могли бы помиловать, если бы я попросилъ объ этомъ. Но помимо привычки къ тюрьмѣ и другихъ весьма важныхъ причинъ, о которыхъ я сообщу ниже, я просто не въ правѣ просить о помилованіи и тѣмъ нарушать силу и естественное теченіе законнаго и исполнѣ справедливаго приговора. И отнюдь не желалъ бы я слышать въ примѣненіи къ себѣ слова «жертва судебной ошибки», какъ выражались, къ моему огорченію, нѣкоторые изъ моихъ любезныхъ посѣтителей. Повторяю, ошибки нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ при совокупности опредѣленныхъ данныхъ, нормально устроенный и развитый мозгъ непременно приходитъ къ одному и единственному выводу.

Я осужденъ справедливо, хотя и не совершалъ преступленія — такова та простая и ясная истина, въ уваженіи къ которой я радостно и спокойно доживаю на землѣ мои послѣдніе годы.

И единственная цѣль, какою руководился я при составленіи моихъ скромныхъ «записокъ», это показать моему благосклонному читателю, какъ при самыхъ тягостныхъ условіяхъ, гдѣ не остается, казалось бы, мѣста ни надеждѣ, ни жизни — человѣкъ, существо высшаго порядка, обладающее и разумомъ и волею, находитъ то и другое. Я хочу показать, какъ человѣкъ, осужденный на смерть, свободными глазами взглянулъ на міръ сквозь рѣшетчатое окно своей темницы, и открылъ въ мірѣ великую цѣлесообразность, гармонию и красоту — къ стыду тѣхъ безумцевъ, которые, живя на свободѣ, въ довольствѣ и счастіи, отвратительно клеветаютъ на жизнь. Нѣкоторые изъ посѣтителей моихъ упрекаютъ меня въ «надменности», спрашиваютъ, откуда я взялъ право учить и проповѣдывать: жестокіе въ недомыслии своемъ, они хотѣли бы и улыбку согнать съ лица того, кто,

какъ убійца, навѣкъ заключенъ въ тюрьму. Нѣтъ — какъ не сойдеть съ устъ моихъ благожелательная и ясная улыбка, свидѣтельство совѣсти чистой и незапятнанной, такъ никогда не помрачится моя душа, безтрепетно прошедшая сквозь тѣснины жизни, мощнымъ подъемомъ воли перенесшая меня черезъ тѣ страшныя пропасти и бездонныя провалы, гдѣ такъ много смѣльчаковъ нашло геройскую, но увы! бесплодную гибель. И если тонъ моихъ «Записокъ» иногда можетъ показаться благосклонному читателю слишкомъ рѣшительнымъ, то это отнюдь не отсутствіе скромности, а лишь твердая увѣренность въ своей правотѣ, и столь же твердое желаніе быть полезнымъ ближнему по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ.

Здѣсь же я долженъ извиниться, что буду неоднократно по степени надобности ссылаться на мой «Дневникъ заключеннаго», неизвѣстный читателю; но дѣло въ томъ, что полное опубликованіе «Дневника» я считаю преждевременнымъ и даже, быть можетъ, опаснымъ. Начатый въ далекую юношескую пору жестокихъ разочарованій, крушенія всѣхъ вѣрованій и надеждъ, дышавій безпредѣльнымъ отчаяніемъ, онъ мѣстами съ очевидностью свидѣлствуетъ, что авторъ его находился если не въ состояніи полного сумашествія, то на роковой грани его. И если мы вспомнимъ, какъ заразителна эта болѣзнь, то моя осторожность въ пользованіи дневникомъ станетъ вполне понятной.

О цвѣтущая юность! Съ невольной слезою во взорѣ я вспоминаю твои роскошныя сны, твои дерзновенныя мечты и порывы, твое буйное кипѣніе силъ — но не желалъ бы я твоего возвращенія, о цвѣтущая юность. Только съ сѣдиною волосъ приходитъ ясная мудрость и та великая способность къ безкорыстному созерцанію, какая всѣхъ старцевъ дѣлаетъ философами и часто даже мудрецами.

II.

Тѣ изъ моихъ любезныхъ посѣтителей, которые оказываютъ мнѣ честь выраженіемъ своего восторга и даже —

да простится мнѣ эта маленькая нескромность! — даже преклоненія передъ моей душевной ясностью, едва ли могутъ представить, какимъ явился я въ эту тюрьму. Десятки лѣтъ, пронесшихся надъ моей головою и побѣдившихъ мои волосы, не могутъ заглушить того легкаго волненія, какое испытываю я при воспоминаніи о первыхъ минутахъ, когда со скрипомъ ржавыхъ петель открылись и навсегда закрывались за мною роковыя двери.

Неодаренный литературнымъ талантомъ, который въ сущности есть неудержимая склонность къ вымыслу и лжи, я постараюсь со всевозможной точностью представить моему благосклонному читателю себя — въ ту давнишнюю пору.

Это былъ почти юноша, 27 лѣтъ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, нрава несдержаннаго, порывистаго, способнаго къ рѣзкимъ уклоненіямъ. Нѣкоторая мечтательность, свойственная возрасту, самолюбіе, легко оскорбляемое и становящее на дыбы при каждомъ ничтожномъ поводѣ, задорная стремительность въ рѣшеніи міровыхъ проблемъ, припадки меланхоліи, чередующіеся съ такими же дикими припадками веселія — все это придавало юному математику характеръ крайней неустойчивости, печальной и рѣзкой дисгармоничности.

Не лишнимъ считаю упомянуть и о чрезмѣрной гордости, фамильной чертѣ, унаслѣдованной мною отъ матушки и нерѣдко мѣшавшей мнѣ внимать совѣтамъ людей болѣе опытныхъ и зрѣлыхъ, а также о крайнемъ упорствѣ въ проведеніи цѣлей, свойствѣ само по себѣ и хорошемъ, но становящимся опаснымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поставленная цѣль недостаточно продумана и обоснована.

И вотъ первые дни заключенія я велъ себя, какъ и всѣ другіе безумцы, попадающіе въ тюрьму. Я громко и, конечно, безцѣльно кричалъ о моей невинности, яростно требовалъ немедленнаго освобожденія и даже стучалъ кулаками въ дверь и стѣны, оставляя ихъ естественно глухими, а себѣ причиняя довольно сильную боль. Помню, я даже бился головою о стѣны и часами лежалъ въ безпамятствѣ на ка-

менномъ полу камеры; и въ теченіе нѣкотораго времени, дойдя до отчаянія, отказывался отъ употребленія пищи, пока настойчивыя требованія организма не побѣдили моего упрямства. Конечно, душевная и умственная сторона моей жизни соответствовала всему вышеизложенному. Я проклиналъ моихъ судей и грозилъ имъ безпощадной мстью, наконецъ, всю человѣческую жизнь, весь міръ, даже небо я сталъ признавать одной огромной несправедливостью, насмѣшкою и глумленіемъ. Забывая, что въ моемъ положеніи я едва ли могу быть безпристрастнымъ, я съ самоувѣренностью юноши, съ болѣзненной остротой узника приходилъ постепенно къ полному отрицанію жизни и ея великаго смысла. Это были дѣйствительно ужасные дни и ночи, когда сдавливаемый стѣнами, не получающій отвѣта ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ, я безконечно шагаль по камерѣ и одну за другою бросалъ въ черную пучину всѣ великія цѣнности, которыми одарила насъ жизнь: дружбу, любовь, разумъ и справедливость.

Въ нѣкоторое оправданіе я могу привести то обстоятельство, что какъ разъ въ эти первые и наиболее тяжелые годы произошелъ цѣлый рядъ событій, весьма тягостно отразившихся на моей психикѣ. Такъ съ глубочайшимъ негодованіемъ я узналъ, что дѣвушка, имени которой я не назову и которая должна была стать моею женою, вышла замужъ за другого. Она, одна изъ немногихъ, вѣрила въ мою невинность, еще при послѣднемъ прощаніи она клялась остаться мнѣ вѣрною до гроба и скорѣе умереть, нежели измѣнить любви — и вотъ всего лишь черезъ годъ она вышла замужъ за господина, котораго я зналъ, человѣка, хотя и обладающаго нѣкоторыми достоинствами, но далеко неумнаго. Я не хотѣлъ понять, насколько подобный бракъ былъ естественнымъ со стороны молодой, здоровой и красивой дѣвушки, одаренной вдобавокъ особенной склонностью къ материнству — самъ присужденный къ длительной смерти, я хотѣлъ, чтобы и она, неизвѣстно для чего, раздѣлила мою участь. Особенно дикимъ покажется этотъ взглядъ, если

вспомнить, что я былъ хорошо знакомъ съ естественными науками и лучше всякаго другого могъ понимать, насколько повелительны требованія здороваго инстинкта. Но, увы, всё мы забываемъ о естественныхъ наукахъ, когда намъ измѣняетъ любимая женщина — да простится мнѣ эта маленькая шутка! Въ настоящее время госпожа N. N. счастливая и уважаемая мать, и это лучше всего показываетъ, насколько цѣлесообразенъ и совершенно согласенъ съ требованіями природы и жизни былъ ея тогдашній, столь огорчившій меня бракъ.

Долженъ сознаться, однако, что въ ту пору я былъ далеко отъ спокойствія. Ея чрезвычайно милое и любезное письмо, въ которомъ она увѣдомляла меня о своемъ бракѣ, выражая глубокое сожалѣніе, что измѣнившіяся обстоятельства, внезапно вспыхнувшая любовь, принуждаютъ ее нарушить данное обѣщаніе — это милое, правдивое, пахнувшее духами, хранящее слѣды ея нѣжныхъ пальцевъ письмо показало мнѣ посланіемъ самого Дьявола.

Огненные письма жгли мой измученный мозгъ, и въ дикомъ изступленіи я сотрясалъ двери моей камеры и звалъ неистово: «прійди! Дай мнѣ только взглянуть въ твои живые глаза! Дай мнѣ только услышать твой живой голосъ! Дай мнѣ только прикоснуться пальцами къ твоему нѣжному горлу и въ твой предсмертный крикъ влить мой послѣдній, горькій смѣхъ.» (См. «Дневникъ заключеннаго» отъ 14 дек. 18 . . .)

Изъ приведенной цитаты мой благосклонный читатель усмотритъ, насколько были правы судьи, осудившіе меня за убійство: во истину они прозрѣвали во мнѣ убійцу.

Мрачности тогдашняго моего міросозерцанія содѣйствовали нѣкоторыя другія событія, естественности которыхъ не могъ понять мой помутившійся разумъ. Черезъ два года послѣ брака моей невѣсты, а слѣдовательно, послѣ моего заключенія въ тюрьму черезъ три, умерла моя мать, и умерла, какъ мнѣ передали, отъ глубочайшей скорби за меня. Какъ это ни странно, она до конца дней своихъ хранила твердую

увѣренность, что это я совершилъ чудовищное злодѣяніе. Повидимому, это убѣжденіе было неизсякаемымъ источникомъ скорби и главной причиной той черной меланхолии, которая сковала ея уста молчаніемъ и вызвала смерть отъ паралича сердца. Какъ мнѣ передавали, она никогда не упоминала моего имени, равно какъ и именъ умершихъ столь трагически, и все свое огромное состояніе, послужившее будто бы мотивомъ къ совершенію убійства, завѣщала на различныя благотворительныя цѣли. Характерно то обстоятельство, что даже при такихъ ужасныхъ условіяхъ, материнскій инстинктъ не совсѣмъ покинулъ ее: въ припискѣ къ завѣщанію нѣкоторую довольно значительную сумму она оставила мнѣ, вполне обеспечивая мое существованіе какъ въ тюрьмѣ, такъ и на свободѣ.

Теперь я понимаю, что какъ бы ни велика была ея скорбь, одной ея было бы недостаточно для смерти, истинной причиной которой былъ преклонный возрастъ моей матушки и цѣлый рядъ болѣзней, естественно распатавшихъ ея когда то крѣпкій и стойкій организмъ. Во имя справедливости я долженъ сказать, что мой покойный отецъ, человѣкъ весьма слабохарактерный, далеко не былъ примѣрнымъ мужемъ и семьяниномъ, и многочисленными измѣнами, ложью и обманомъ доводилъ мою матушку до отчаянія, непрестанно оскорбляя ея гордость и строгую, неподкупную правдивость. Но тогда я не понималъ этого, смерть матери показалась мнѣ однимъ изъ жесточайшихъ проявленій міровой несправедливости и вызвала новый потокъ безцѣльныхъ и кощунственныхъ проклятій.

Не знаю, долженъ ли я утомлять вниманіе читателя разсказомъ о другихъ событіяхъ однороднаго свойства. Упомяну коротко, что меня одинъ за другимъ перестали посѣщать мои друзья, оставшіеся у меня отъ того времени, когда я былъ счастливъ и свободенъ. По ихъ словамъ, они вѣрили въ мою невиновность и первое время горячо выражали мнѣ свое сочувствіе. Но наши жизни, моя въ тюрьмѣ и ихъ на свободѣ, были столь различны, что постепенно подъ давле-

ніемъ совершенно естественныхъ причинъ: забывчивости, служебныхъ и иныхъ обязанностей, отсутствію общихъ интересовъ, они стали являться на свиданія все рѣже и рѣже и подъ конецъ исчезли совсѣмъ. Не могу безъ улыбки вспомнить: даже смерть матери, даже измѣна любимой дѣвушки не вызвали во мнѣ такого безнадежно горькаго чувства, какое удалось исторгнуть изъ души моей этимъ господамъ, имена которыхъ теперь я и самъ плохо помню.

«Какой ужасъ, какая боль! — Друзья мои, вы оставили меня одного! Друзья мои, вы понимаете, что вы сдѣлали: вы оставили меня одного! Развѣ мыслимо оставлять человѣка одного? Даже у змѣи есть товарищъ, даже у паука есть подруга — а человѣка вы оставили одного. Дали ему душу — и оставили одного; дали сердце, разумъ, дали руку для пожатія, уста для поцѣлуя — и оставили одного! Что же дѣлать человѣку, когда его оставили одного?» — такъ восклицалъ я въ «Дневникѣ заключеннаго», терзаясь горестными недоумѣніями. Въ юношескомъ ослѣпленіи своемъ, въ боли молодого, неразумнаго сердца, я все еще не хотѣлъ понять, что одиночество, на которое я такъ горько жалуюсь, подобно разуму, есть преимущество, данное человѣку передъ другими тварями, дабы оградить отъ чуждаго взора святая тайны его души. Пусть разсудитъ мой серьезный читатель, во что превратилась бы жизнь, если бы отнять у человѣка его право, его обязанность быть одинокимъ? Въ сборищѣ праздныхъ болтуновъ, въ унылую коллекцію прозрачно-стеклянныхъ куколъ, убивающихъ другъ друга своимъ однообразіемъ, въ дикій городъ, гдѣ всѣ двери открыты, окна распахнуты и прохожіе скучливо, съвозъ стеклянныхъ стѣны, наблюдаютъ однѣ и тѣ же явности очага и алькова. Только та тварь, что одинока, обладаетъ лицомъ; и морда, вмѣсто лица, у тѣхъ тварей, что не знаютъ одиночества, великаго, благостнаго, священнаго одиночества души.

И называя друзей моихъ «вѣроломными измѣнниками, предателями», не могъ я, несчастный юноша, понять того мудраго закона жизни, по которому не вѣчны ни дружба, ни

любовь, ни даже нѣжнѣйшая привязанность сестры и матери. Обманутый ложью поэтовъ, провозгласившихъ вѣчную дружбу и любовь, я не хотѣлъ видѣть того, что каждодневно наблюдаетъ изъ оконъ своего жилища мой благосклонный читатель: какъ друзья, родные, мать и жена, въ видимомъ отчаяніи и слезахъ, провожаютъ на кладбище дорогого покойника и по истеченіи времени возвращаются обратно. Никто не закапывается вмѣстѣ съ мертвецомъ, никто не проситъ его потѣсниться и дать мѣсто возлѣ себя въ гробу, и если горестная жена восклицаетъ, обливаясь слезами: «о, закопайте меня вмѣстѣ съ нимъ!», то этимъ символически она выражаетъ лишь крайнюю степень своего отчаянія, въ чемъ легко убѣдиться, попробовавши, хотя бы въ шутку, столкнуть ее въ могилу. И тѣ, кто удерживаютъ ее, также лишь символически выражаютъ свое сочувствіе и пониманіе, придавая этимъ похоронному обряду необходимый характеръ торжественной печали.

Законамъ жизни, а не смерти, и не поэтического вымысла, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ, долженъ подчиняться человѣкъ. Да и можетъ ли быть прекраснымъ вымыселъ? Развѣ нѣтъ красоты въ суровой правдѣ жизни, въ мощномъ дѣйствіи ея непреложныхъ законовъ, съ великимъ безпристрастіемъ подчиняющихъ себѣ какъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, такъ и безпокойное сдѣвленіе тѣхъ крохотныхъ существъ, что именуются людьми!

Припоминаю при этомъ не лишенный интереса случай, относящійся къ тому далекому времени, когда я былъ еще безбородымъ юношей, студентомъ второго курса. Въ группѣ съ товарищами однокурсниками я работалъ надъ трупомъ какого-то неизвѣстнаго, уже пожилого человѣка. Помню то отвращеніе, съ какимъ первоначально услышалъ я гнилостный запахъ разложенія, то чувство нестерпимой брезгливости и даже страха, какое испыталъ я при первомъ прикосновеніи моихъ живыхъ пальцевъ къ гниющему мясу. Но захваченный интересною работою, я постепенно привыкъ къ дурному запаху, а вскорѣ, въ одинъ изъ увлекательнѣйшихъ вече-

ровъ, когда случайно мнѣ пришлось работать одному, я неожиданно почувствовалъ глубочайшій восторгъ передъ обыкновеннымъ зрѣлицемъ — обратнаго шествія матеріи отъ жизни къ смерти, отъ сложнѣйшей конструкціи живого организма къ простѣйшимъ элементамъ вещества. Долго въ экстазѣ, который я осмѣлюсь назвать религіознымъ, любовался я трупомъ, самъ своей неподвижною фигурой, со скальпелемъ въ одной рукѣ, съ другою рукою, поднятою ввысь, уподобляясь объекту моего восхищеннаго созерцанія. Такъ даже въ юные годы случайной гостью навѣщала меня прекрасная истина, полнымъ обладаніемъ которой только теперь я вправѣ гордиться.

Позволивъ себѣ это краткое, быть можетъ, излишнее отступленіе, я перехожу къ дальнѣйшему повѣствованію.

III.

Такъ печально прожилъ я въ тюрьмѣ пять или шесть лѣтъ.

Первый спасительный лучъ мелькнулъ для меня какъ разъ съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ ожидать его. Здѣсь я долженъ извиниться передъ читателями и особенно очаровательными читательницами, что вынужденъ буду говорить о вещахъ, о которыхъ обычно умалчиваютъ или ограничиваются смутными намеками. Но великій разумъ, который путемъ долгаго искуса и страданія я открылъ во всѣхъ явленіяхъ жизни, да разсѣетъ передъ вами ту прозрачную мглу, которую люди неумные, невѣжественные и часто лицемѣрные набрасываютъ на важнѣйшія стороны жизни человека. Вѣшній неприличности дальнѣйшаго повѣствованія да послужать оправданіемъ, если таковое нужно, его дѣломудренный и высокій смыслъ.

Какъ вы, вѣроятно, уже догадались, рѣчь идетъ о такъ называемомъ «гнусномъ порокѣ», къ которому я естественно приведенъ былъ всей совокупностью обстоятельствъ. Въ началѣ, полный смутнаго и тоскливаго отвращенія, я упорно сопротивлялся естественному влеченію, но сладкіе галлюци-

наци и сны, наконецъ, полная невозможность бороться далѣе съ тѣломъ, законно требующимъ своего, привели меня къ тому, что я открыто и смѣло вступилъ на путь искусственнаго удовлетворенія половой потребности. Обладая даромъ нѣкоторой фантази, неизмѣннымъ объектомъ своихъ одинокихъ любовныхъ вожделѣній я сдѣлалъ ее, мою бывшую невѣсту, мою любовь, мою мечту и, если можно такъ выразиться, жилъ съ нею въ честномъ бракѣ всѣ эти десятки лѣтъ, пока совершенно естественно, съ наступленіемъ старости, не погасла во мнѣ потребность въ половомъ общеніи. И время, которое въ движеніи своемъ уравниваетъ факты съ продуктами фантази, одинаково оставляя ихъ только въ памяти и больше нигдѣ, даетъ мнѣ — старцу сладкую возможность воспоминаній. Если бы не боязнь утомить вниманіе читателя, я могъ бы передать ему долгую повѣсть любовныхъ восторговъ, мукъ ревности, тоски ожиданій и радости мгновенныхъ тайныхъ встрѣчъ. И могу увѣрить, что эта повѣсть была бы нисколько не хуже, не короче, не менѣе реальна чѣмъ то, что могъ бы разсказать намъ о своей жизни съ г-жею N. N. ея фактический мужъ.

Этотъ случай, самъ по себѣ быть можетъ и не столь значительный, показалъ мнѣ, однако, что какъ человекъ, существо высшаго порядка, обладающій не только истиннымъ, но и разумомъ, я могу стать выше обстоятельствъ и найти исходъ тамъ, гдѣ неразумное животное, вѣроятно, погибло бы жертвой мучительной неудовлетворенности.

Второе — это случилось почти одновременно съ моимъ вступленіемъ въ бракъ — что вдругъ открыло почву подъ моими ногами, было, какъ это ни странно, создавшееся убѣжденіе, что бѣгство изъ тюрьмы для меня немислимо.

Первое время моего заключенія, я какъ пылкій юноша-фантазеръ строилъ всевозможные планы бѣгства, и нѣкоторые изъ нихъ казались мнѣ вполне осуществимыми. Питая обманчивыя и несбыточные надежды, эта мысль, естественно, держала меня въ состояніи напряженной тревоги и мѣшала